

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «АБДУЛКАДЫРОВ И ДАХТАЕВ против РОССИИ»

(Жалоба № 35061/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

10 июля 2018 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

3 декабря 2018 года

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Абдулкадыров и Дахтаев против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой в составе:

Хелена Йедерблом, *Председатель*,

Дмитрий Дедов,

Пере Пастор Виланова,

Алина Полачкова,

Георгиос А. Сергидес,

Йолин Схёккинг,

Мария Елосеги, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя 19 июня 2018 года заседание за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано по жалобе (№ 35061/04) против Российской Федерации, поданной в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») двумя гражданами Российской Федерации Дени Алиевичем Абдулкадыровым и Албеком Ахметовичем Дахтаевым (далее — «заявители») 8 сентября 2004 года.

2. Интересы заявителей, которым была предоставлена правовая помощь, представляли К. Москаленко и О. Преображенская, адвокаты, практикующие в г. Москве и г. Страсбурге, соответственно. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. Заявители жаловались, в частности, на основании статьи 3 Конвенции, что они подверглись жестокому обращению, находясь под стражей в правоохранительных органах, а также что не было проведено эффективного расследования в отношении их жалоб. Далее они жаловались на основании пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, что их приговор был основан на показаниях, полученных в результате жестокого обращения со стороны сотрудников милиции, и что им не была предоставлена возможность допросить свидетелей обвинения ни на каком этапе судопроизводства. Наконец, заявители жаловались на основании статьи 8 Конвенции, что они были помещены в исправительные учреждения, расположенные далеко от региона их проживания.

4. 21 октября 2011 года жалоба на основании статьи 3 Конвенции была коммуницирована Властям.

5. Впоследствии, 27 января 2015 года жалобы на основании пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6, а также на основании статьи 8 Конвенции были коммуницированы Властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявители родились в 1982 году и в 1983 году, соответственно, и в настоящее время отбывают сроки лишения свободы в исправительных учреждениях в Республике Коми и Мурманской области, соответственно.

A. Задержание заявителей и предполагаемое жестокое обращение

7. 25 и 19 сентября 2002 года, соответственно, заявители были задержаны в г. Грозном Чеченской Республики и доставлены в Оперативно-розыскное бюро Северокавказского оперативного управления Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Южному Федеральному округу (*ОРБ-2 СКОУ ГУ МВД РФ по ЮФО*) – (далее - ОРБ-2»). После задержания их доставили в изолятор временного содержания при ОРБ-2 (далее - ИВС»). Официальные протоколы задержания заявителей были составлены 30 и 24 сентября 2002 года, соответственно. В течение этого времени им не предоставлялась правовая помощь. Их семьи не знали об их местонахождении.

8. По словам заявителей, на протяжении нескольких дней в ходе их незапротоколированного содержания под стражей они неоднократно подвергались жестокому обращению со стороны сотрудников ОРБ-2 и принуждались к признанию в том, что они являлись членами незаконного вооруженного формирования в г. Грозном, а также в убийствах нескольких человек, в том числе милиционеров и военнослужащих.

9. Заявители подробно описали обстоятельства предполагаемого жестокого обращения. Они утверждали, в частности, что сотрудники ОРБ-2 били и пинали их, били их дубинками, применяли электрошок, надевая им на головы противогазы или пластиковые пакеты, угрожали им изнасилованием и вымогательством. По словам второго заявителя, его также били по голове пластиковой бутылкой, наполненной водой, в

то время как его голова была прижата к полу. Кроме того, лица, совершавшие эти действия, прыгали ему на голову всем весом, прижигали спину сигаретными окурками, били по пальцам лакированной палкой, пока его руки были прижаты к столу, угрожали продырявить ему руки скобками для степлера и застрелить его. Заявители предполагали, что двумя из тех, кто совершал эти действия, были сотрудники Ях. и Гул.

10. Когда задержания заявителей были оформлены, они повторили свои признательные показания в присутствии старшего следователя С. и двух адвокатов, оказывавших им правовую помощь, Ц. и Д. Заявители подтвердили, что они сделали свои признания добровольно. В соответствии с их утверждениями, и Ях., и Гул. присутствовали на их допросах.

11. В ходе допроса второго заявителя 24 сентября 2002 года в присутствии Д. и сотрудника Ях. С. поднял его майку и увидел следы избиения на его спине (синяки, метки от электропроводов и опухоли). На вопрос, как они были получены, второй заявитель ответил, что он упал с лестницы. Через несколько дней он сказал Д., что получил травмы в ходе драки со своим братом.

12. 18 и 22 декабря 2002 года, соответственно, заявителей перевели из ИВС в следственный изолятор ИЗ-20/2 в с. Чернокозово Наурского района Чеченской Республики.

13. Власти не предоставили медицинских документов заявителей за период с сентября по декабрь 2002 года, сославшись на тот факт, что они должны были быть уничтожены в связи с истечением срока хранения.

14. Власти предоставили копию реестра медицинского освидетельствования лиц, поступивших в ИЗ-20/2 в период с 26 ноября 2002 года по 4 октября 2003 года. Записи, касающиеся обоих заявителей, гласят: «телесные повреждения отсутствуют».

В. Расследование по жалобам заявителей на жестокое обращение и их осуждение

15. После их перевода в следственный изолятор в декабре 2002 года заявители подали несколько жалоб в прокуратуру Чеченской Республики по факту применения к ним пыток в ходе содержания под стражей в ОРБ-2. Однако в возбуждении уголовного дела было отказано. 3 декабря 2003 года следователь С. указал следующее:

После их перевода в СИЗО в г. Грозном начался поток жалоб и заявлений. В настоящее время я не могу вспомнить точные даты, когда были вынесены решения по жалобам и заявлениям заявителей».

16. 14 и 18 апреля 2003 года С. отказал в возбуждении уголовного дела по жалобам второго заявителя на жестокое обращение. Постановления были приняты на основании показаний сотрудников Гул. и Ях., которые отрицали применение какой-либо физической силы в его отношении. Как следует из материалов дела, следующая жалоба на жестокое обращение, поданная 9 июля 2003 года в прокуратуру Чеченской Республики, не получила ответа.

17. 25 ноября 2003 года в ходе судебного заседания заявители заявили суду, что в ходе их незапротоколированного содержания под стражей (с 25 по 30 сентября в отношении первого заявителя и с 19 по 24 сентября в отношении второго заявителя) они подвергались пыткам с применением электрошока, противогазов, избиений и угроз со стороны сотрудников ОРБ-2, а также принуждались к даче признательных показаний. Заявители заявили, что одним из лиц, совершавших эти действия, был старший оперативный сотрудник Ях.

18. В тот же день Ростовский областной суд (далее – «областной суд») попросил прокуратуру Чеченской Республики провести расследование по утверждениям заявителей.

19. 8 декабря 2003 года Д., следователь прокуратуры Ленинского района г. Грозного, допросив С. (следователя, отвечающего за досудебное расследование уголовного дела в отношении заявителей), Ях. (старшего оперативного сотрудника ОРБ-2), Т. (адвоката, оказывавшего правовую помощь соподсудимому заявителям), а также Ц. (адвоката, оказывавшего правовую помощь первому заявителю) и М. (понятого в некоторых следственных действиях), отказал в проведении расследования уголовного дела по жалобам заявителей на жестокое обращение в связи с отсутствием доказательства совершения преступления. Решение в части, касающейся заявителей, гласит:

«[С.] указал, что он был обязан провести досудебное расследование уголовного дела [в отношении заявителей] и что оперативное сопровождение предоставлялось сотрудниками [ОРБ-2], в том числе старшим оперативным сотрудником Ях.

После их задержания [заявители] были помещены в изолятор временного содержания при [ОРБ-2], после чего они были переведены в следственный изолятор [неразборчиво]. ... В ходе первоначального досудебного расследования [заявители] не подавали жалоб на применение к ним каких-либо незаконных методов расследования. Однако впоследствии они подали [соответствующие] жалобы, которые были рассмотрены [С.] в рамках расследуемого уголовного дела. В каждом случае доводы [заявителей] не были объективно подтверждены, и было принято решение, [что расследование по уголовному делу проводиться не будет]; он не смог вспомнить дат соответствующих решений ... [Заявители дали показания добровольно; они не подвергались никакому насилию; все следственные действия проводились при участии адвокатов, оказывавших правовую помощь].

Адвокат Ц., оказывавшая правовую помощь, утверждала, что она представляла интересы [первого заявителя] с 30 сентября 2002 года до

окончания предварительного следствия. В ходе предварительного следствия [первый заявитель] не жаловался на то, что к нему были применены какие-либо незаконные методы расследования и физическое насилие, и Ц. не подавала никаких жалоб на жестокое обращение в прокуратуру по поручению [первого заявителя].

...

[Ях.] утверждал, что ... физического насилия к [заявителям] сотрудниками [ОРБ-2] не применялось и что [заявители] дали показания добровольно».

20. 9 декабря 2003 года председательствующий судья получил копию вышеуказанного решения и зачитал его в суде.

21. Далее суд первой инстанции допросил С. и понятого М., которые показали, что физическая сила не применялась в отношении заявителей, которые дали показания добровольно и без принуждения. С. признал, что, когда он допрашивал заявителей в ОРБ-2, они были прикованы наручниками к батарее во избежание побега.

22. 18 и 30 декабря 2003 года и 12 апреля 2004 года адвокат заявителей ходатайствовал в суд первой инстанции об исключении показаний, полученных от заявителей под пытками, но ходатайства были отклонены.

23. В ходе рассмотрения дела председательствующий судья разрешил прокурору внести поправки в один из пунктов обвинения, предъявляемого заявителям, в отношении изменения даты предполагаемого убийства П. (с 30 на 29 мая 2001 года).

24. 11 мая 2004 года областной суд осудил заявителей вместе с другим соподсудимым за участие в незаконном вооруженном формировании, несколько эпизодов убийств, покушения на жизнь сотрудников правоохранительных органов и незаконное хранение огнестрельного оружия. Они были приговорены к лишению свободы сроком на двадцать пять лет. Приговор заявителям основывался на признательных показаниях, данных подсудимыми в ходе досудебного расследования в период с сентября по декабрь 2002 года, когда они находились в помещениях ОРБ-2 (протоколах их допросов в качестве подозреваемых, протоколах их допросов в качестве обвиняемых, протоколах очных ставок сторон, протоколах осмотров мест преступлений), а также на заключениях судебно-медицинских экспертиз. Суд также ссылаясь на показания свидетелей обвинения, в том числе Ц., Л. и К., потерпевших, хотя они не установили связи заявителей с преступлениями, в которых они обвинялись. Несмотря на определения суда, большинство свидетелей обвинения и потерпевшие не присутствовали на заседании суда. С учетом напряженной социальной ситуации в Чеченской Республике, где жили соответствующие свидетели, суд использовал показания, полученные от них на досудебном этапе, в качестве доказательств. Все свидетели защиты были заслушаны на судебном заседании и предоставили алиби

заявителям. Суд, однако, исключил их показания, поскольку все они являлись либо их родственниками, либо друзьями. Суд решил, что сроки лишения свободы заявителей должны исчисляться с 25 и 19 сентября 2002 года, соответственно.

25. Заявители подали апелляционные жалобы, утверждая, *среди прочего*, что они подверглись жестокому обращению в ходе досудебного расследования и были осуждены на основании показаний, полученных под пытками, что им не была предоставлена возможность допросить свидетелей защиты и потерпевших и что в ходе рассмотрения дела председательствующий судья разрешил прокурору внести поправку в один из пунктов обвинения в их отношении, нарушив, таким образом, их право на защиту. К апелляционной жалобе второго заявителя прилагались свидетельские показания Д., адвоката, оказывавшего ему правовую помощь и представлявшего его интересы в ходе досудебного расследования. Соответствующие части указанного документа гласят следующее:

«24 сентября 2002 года, когда [второй заявитель] допрашивался в качестве подозреваемого, мы увидели, что его спина была покрыта синяками. Я согласился подать соответствующее заявление в [областной суд]. Однако кто-то ввел суд первой инстанции в заблуждение, указав, что я «категорически отказался делать какие-либо заявления». Меня не допрашивали в ходе последственной проверки, и [я] не делал никаких заявлений кому бы то ни было, кроме адвоката, [представлявшего интересы заявителей в ходе судебного заседания]».

26. 18 августа 2004 года Верховный Суд Российской Федерации оставил приговор в силе по апелляции и сократил сроки лишения свободы заявителей до двадцати трех и двадцати четырех лет, соответственно. Суд постановил, что утверждения заявителей были признаны необоснованными на законных основаниях и что сложная социальная ситуация в Чечне могла объяснить невозможность обеспечить присутствие свидетелей обвинения и потерпевших на заседании. Суд апелляционной инстанции счел, что поправка к одному из пунктов обвинения в отношении заявителей не нарушала право заявителей на защиту, поскольку в любом случае в показаниях, данных в ходе досудебного расследования, они упомянули, что совершили преступление «где-то весной 2001 года», кроме того, в ходе судебного заседания они вовсе отрицали его совершение.

27. 25 октября 2013 года Усть-Вымский районный суд Республики Коми пересмотрел срок лишения свободы первого заявителя в соответствии с поправками к уголовному законодательству и сократил его до двадцати двух лет лишения свободы.

С. События в деле после коммуницирования жалобы Властям

28. После коммуницирования жалобы заявителей на жестокое обращение Властям в октябре 2011 года, 6 декабря 2011 года прокурор Ленинского района г. Грозного отменил как незаконное и необоснованное постановление от 8 декабря 2003 года об отказе в проведении расследования по уголовному делу по жалобам заявителей на жестокое обращение. Была назначена дополнительная доследственная проверка, таким образом, заявители могли быть допрошены по обстоятельствам предполагаемого жестокого обращения и относительно предполагаемых исполнителей, по травмам, предположительно полученным в результате жестокого обращения и по каким-либо запросам о медицинской помощи в этой связи.

29. Материалы дела не содержат дальнейшей информации о результатах дополнительной доследственной проверки.

Д. Помещение заявителей в исправительные учреждения

30. После осуждения заявителей, в сентябре 2004 года их семьи попросили начальника Управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Ростовской области (далее – «ФСИН») поместить их в исправительные учреждения в регионах, соседствующих с регионом их места проживания, Чеченской Республикой.

31. В ноябре 2004 года первый заявителей был помещен в исправительную колонию строгого режима в Республике Коми, расположенную на расстоянии 3 000 километров от Чеченской Республики.

32. В декабре 2004 года второй заявитель был помещен в исправительную колонию строгого режима в Омской области, расположенную на расстоянии 3 400 километров от Чеченской Республики.

33. 22 августа 2005 года семья первого заявителя попросила начальника ФСИН перевести его в исправительное учреждение в менее отдаленный регион. Они ссылались, в частности, на состояние его здоровья (туберкулез) и указывали, что соответствующие учреждения имелись в Республике Калмыкия. Их ходатайство было отклонено.

34. Второй заявитель и его семья подали ходатайства прокурору Омской области, начальнику ФСИН, Генеральному прокурору Российской Федерации и Уполномоченному по правам человека по Омской области в попытке добиться перевода заявителя в менее отдаленное исправительное учреждение. Они указывали, что он

отбывал срок лишения свободы продолжительностью двадцать четыре года за 3 400 км от региона проживания и что его родителям сложно было преодолевать длинные расстояния в связи с пожилым возрастом. Вероятно, что через какое-то время они не смогут перемещаться и не будут иметь возможности навещать сына.

35. В мае 2006 года ФСИН отказал в удовлетворении ходатайства второго заявителя на том основании, что в Чеченской Республике не было исправительного учреждения строгого режима и что не существовало никаких исключительных обстоятельств, препятствовавших ему отбывать наказание в Омской области. Указывалась ссылка на часть 2 статьи 73 и статью 81 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – «УИК»).

36. 18 июля 2006 года заявители и их семьи обратились в Верховный Суд Российской Федерации с жалобой на то, что заявители содержались в исправительных учреждениях далеко от региона их места проживания, и просили его способствовать облегчению контактов с ними. Жалоба была передана в суд 28 июля 2006 года. Материалы дела не содержат дальнейшей информации о результатах этой жалобы.

37. 4 декабря 2006 года второй заявитель попросил Генерального прокурора Российской Федерации перевести его в исправительное учреждение в Чеченской Республике или в соседнем регионе. Он указывал на сложности, испытываемые его семьей в отношении семейных визитов и поддержания контакта.

38. 15 марта 2007 года ФСИН снова отклонила ходатайство второго заявителя.

39. 30 июля 2009 года ФСИН отклонила ходатайство первого заявителя о переводе в исправительное учреждение в Чеченской Республике со ссылкой на часть 4 статьи 73 и часть 2 статьи 81 УИК.

40. Впоследствии в неустановленный день второй заявитель был переведен из исправительной колонии в Омской области в исправительную колонию в Мурманской области, расположенную на расстоянии 3 700 км от Чеченской Республики.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Запрет пыток и другого жестокого обращения, процедура рассмотрения заявления о возбуждении уголовного дела

41. Применимые положения национального законодательства изложены в постановлениях Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*) (жалоба №46956/09, пункты 96-102) и от 14 ноября 2013 года по делу «Рябцев против России» (*Ryabtsev v. Russia*) (жалоба №13642/06, пункты 48-52).

В. Размещение заключенных

42. Применимые положения Уголовно-исполнительного кодекса от 8 января 1997 года (далее – «УИК») гласят:

Статья 73

«1. Осужденные к лишению свободы, кроме указанных в части четвертой настоящей статьи, отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. В исключительных случаях по состоянию здоровья осужденных или для обеспечения их личной безопасности либо с их согласия осужденные могут быть направлены для отбывания наказания в соответствующее исправительное учреждение, расположенное на территории другого субъекта Российской Федерации.

2. При отсутствии в субъекте Российской Федерации по месту жительства или по месту осуждения исправительного учреждения соответствующего вида или невозможности размещения осужденных в имеющихся исправительных учреждениях осужденные направляются по согласованию с соответствующими вышестоящими органами управления уголовно-исполнительной системы в исправительные учреждения, расположенные на территории другого субъекта Российской Федерации, в котором имеются условия для их размещения.

...

4. Осужденные за преступления, предусмотренные статьей 126 [похищение человека], частями второй и третьей статьи 127.1 [торговля людьми при отягчающих обстоятельствах], статьями 205 – 206 [террористический акт и захват заложника], 208 – 211 [организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, бандитизм, организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней), угон судна воздушного транспорта], 275 [государственная измена], 277 -279 [посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти, вооруженный мятеж], 281 [диверсия], 282.1 [организация экстремистского сообщества], 282.2 [организация деятельности экстремистской организации], 317 [посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа], частью третьей статьи 321 [дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества], частью второй статьи 360 [нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на их собственность, совершенное в целях провокации войны] Уголовного кодекса Российской Федерации, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений, осужденные к пожизненному лишению свободы, осужденные к отбыванию лишения свободы в тюрьме, осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, направляются для отбывания наказания в соответствующие исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы».

Статья 81

«1. Осужденные к лишению свободы должны отбывать весь срок наказания, как правило, в одном исправительном учреждении либо следственном изоляторе, в том числе в случае назначения им в период отбывания [лишения

свободы] нового наказания, если при этом судом не изменен вид исправительного учреждения.

2. Перевод осужденного ... из одного исправительного учреждения в другое того же вида допускается в случае болезни осужденного либо для обеспечения его личной безопасности, при реорганизации или ликвидации исправительного учреждения, а также при иных исключительных обстоятельствах, препятствующих дальнейшему нахождению осужденного в данном исправительном учреждении. Перевод осужденных за преступления, указанные в части четвертой статьи 73 настоящего Кодекса, из одного исправительного учреждения в другое того же вида допускается также по решению федерального органа уголовно-исполнительной системы. Порядок перевода осужденных определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний...»

43. Часть 4 статьи 73 и соответствующая оговорка в части 1 статьи 73 были введены в УИК 9 мая 2005 года.

44. До внесения поправок к части 2 статьи 73 19 июля 2007 года положение гласило:

«При отсутствии по месту жительства или по месту осуждения исправительного учреждения соответствующего вида или невозможности размещения осужденных в имеющихся исправительных учреждениях осужденные направляются в ближайшие исправительные учреждения, расположенные на территории данного субъекта Российской Федерации, либо по согласованию с соответствующими вышестоящими органами управления уголовно-исполнительной системы в исправительные учреждения, расположенные на территории другого ближайшего субъекта Российской Федерации, в котором имеются условия для их размещения».

45. Другие применимые положения национального законодательства и судебная практика изложены в постановлении Европейского Суда от 7 марта 2017 года по делу «Полякова и другие против России» (*Polyakova and Others v. Russia*) (жалоба № 35090/09 и 3 другие жалобы, пункты 44-56).

С. Возобновление производства в связи с установлением Судом нарушения

46. Статья 413 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что производство по уголовному делу может быть возобновлено в связи с установлением Судом нарушения Конвенции.

III. ПРИМЕНИМЫЕ ДОКУМЕНТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ

47. Соответствующие части публичного заявления Европейского Комитета против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее -

«ЕКПП») в отношении Чеченской Республики Российской Федерации от 10 июля 2003 года гласят:

«5. Одно учреждение выделяется из остальных в плане частоты и тяжести предполагаемого жестокого обращения, а именно ОРБ-2 (Оперативно-розыскное бюро Северокавказского оперативного управления Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Южному федеральному округу) в г. Грозном.

ОРБ-2 никогда не значилось ни в одном официальном перечне мест содержания под стражей, из представленных КПП. Однако время от времени там определенно содержатся люди в течение очень длительных периодов. В ходе визитов в 2002 году в КПП поступило множество заявлений о жестоком обращении в этом учреждении, которые в ряде случаев подкреплялись четкими медицинскими свидетельствами, собранными его делегацией. В ходе последнего визита КПП в Чеченскую Республику в мае 2003 года в КПП продолжали поступать заявления, некоторые из которых также подтверждались медицинскими свидетельствами.

Во время повторного визита КПП в ОРБ-2 в мае 2003 года там содержалось 17 лиц, некоторые из которых находились в этом учреждении уже несколько месяцев. Содержавшиеся под стражей лица с неохотой разговаривали с делегацией и выглядели запуганными. Исходя из имеющейся у него информации, у КПП есть все основания полагать, что их явно предупредили о том, чтобы они молчали. Все наблюдения в ОРБ-2, включая общее отношение и поведение его сотрудников, вызвали у КПП глубокую озабоченность относительно судьбы лиц, помещенных под стражу в ОРБ-2.

КПП неоднократно рекомендовал провести тщательную и независимую проверку методов, используемых сотрудниками ОРБ-2 при допросе содержащихся под стражей лиц; эта рекомендация так и не была выполнена в какой-либо значимой мере. Утверждение о том, что «для принятия мер необходима официальная письменная жалоба» является несостоятельной позицией, учитывая атмосферу страха и недоверия, которая в настоящее время существует в Чеченской Республике, и представляет собой уклонение от ответственности. КПП призывает власти Российской Федерации положить конец жестокому обращению в ОРБ-2 в г. Грозном».

48. Публичные заявления КПП, касающиеся Чеченской Республики Российской Федерации, от 13 марта 2007 года и 24 января 2013 года, также упоминающие ОРБ-2 в г. Грозном, изложены в постановлении Европейского Суда от 14 марта 2017 года по делу «Мукаев против России» (*Mukayev v. Russia*) (жалоба №22495/08, пункты 60-61).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

49. Заявители жаловались на то, что они подверглись жестокому обращению, находясь под контролем правоохранительных органов, а

также что в отношении их жалоб не было проведено эффективного расследования. Они ссылались на статью 3 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

50. Власти отрицали жалобы заявителей на жестокое обращение и считали их необоснованными, ссылаясь на выводы расследования, проведенного прокурором по жалобам заявителей, а также на заключения по этому вопросу, к которым пришел суд первой инстанции и суд апелляционной инстанции. Власти далее утверждали, что расследование, проведенное российскими органами власти, соответствовало процедурным требованиям статьи 3 Конвенции.

51. Заявители утверждали, что представители государства подвергали их пыткам во время содержания под стражей, чтобы заставить их признаться в преступлениях, в совершении которых они обвинялись. Они также утверждали, что расследование по их жалобам не соответствовало стандартам, установленным в статье 3 Конвенции. Органы власти ограничились поверхностной доследственной проверкой, так и не начав полномасштабного расследования по их правдоподобным жалобам.

А. Приемлемость жалобы

52. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

53. Применимые общие принципы были описаны Большой Палатой Европейского Суда в постановлении по делу «Бойид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*) (жалоба №23380/09, пункты 81-88, ECHR 2015). В частности, если рассматриваемые события целиком или в большей части находятся в исключительном ведении властей, как в случае с лицами, находящимися под стражей под контролем государства, возникают обоснованные презумпции факта в связи с телесными повреждениями, полученными во время такого содержания под стражей. Бремя доказывания, следовательно, возлагается на Власти, которым следует привести удовлетворительное и убедительное объяснение, предоставив устанавливающие факты доказательства, ставящие под сомнение версию событий, представленную

потерпевшим. При отсутствии такого объяснения Суд может сделать выводы, которые могут быть неблагоприятными для Властей. Это основано на том, что лица, находящиеся под стражей, находятся в уязвимом положении, и органы власти обязаны защищать их (там же, пункт 83).

1. Правдоподобность утверждений заявителей о жестоком обращении и презумпция факта

54. Во-первых, Суд отмечает, что заявители содержались под стражей в ОРБ-2 несколько дней, при этом их задержание не было запротоколировано (см. пункты 7 и 24 выше). Хотя они не были официально признаны подозреваемыми, сведения в материалах дела почти не оставляют сомнений в отношении их фактического статуса лиц, задержанных по подозрению в совершении уголовного преступления, и других оснований для удержания их в отделении милиции сторонами указано не было.

55. Суд обеспокоен продолжительностью незапротоколированного содержания заявителей под стражей - пять дней в каждом случае. В течение этого периода времени они оставались в помещениях ОРБ-2 в отсутствие основных гарантий в отношении жестокого обращения, например, медицинского освидетельствования, права доступа к адвокату, а также права на уведомление третьей стороны о содержании под стражей (см. постановление Европейского Суда от 5 января 2016 года по делу «Миникаев против России» (*Minikayev v. Russia*), жалоба №630/08, пункт 52, а также содержащиеся в нем ссылки).

56. Суд далее отмечает, что в ходе незапротоколированного содержания заявителей под стражей они предположительно подвергались насилию со стороны сотрудников ОРБ-2. Они предоставили подробное и логичное описание обстоятельств предполагаемого жестокого обращения, которое включало в себя избиения, электрошок, противогазы, угрозы и так далее (см. пункт 9 выше). Он также отмечает, что после незапротоколированного содержания под стражей оба заявителя подписали признательные показания, которые они позднее оспаривали в суде первой инстанции как данные под принуждением и которые, тем не менее, были использованы в качестве доказательства при вынесении приговора по нескольким особо тяжким преступлениям.

57. Суд отмечает, что материалы дела не содержат документально подтвержденного свидетельства, фиксирующего травмы, предположительно полученные заявителями, когда они находились под контролем милиции. Несмотря на однозначное требование Суда, Власти не предоставили медицинских документов, свидетельствующих о состоянии их здоровья в период с сентября по

декабрь 2002 года, пояснив, что такие материалы должны были быть уничтожены по истечении срока хранения (см. пункт 13 выше).

58. Суд далее отмечает, что Власти предоставили копию реестра медицинских освидетельствований лиц, поступивших в ИЗ-20/2 в период с 26 ноября 2002 года по 4 октября 2003 года, в котором записи по обоим заявителям гласят: «телесные повреждения отсутствуют» (см. пункт 14 выше). Суд не убежден, однако, что этот документ сам по себе может опровергнуть их предполагаемые обвинения в жестоком обращении. Жестокое обращение предположительно имело место в сентябре 2002 года, тогда как документ, о котором идет речь, относится к периоду времени, когда заявители поступили в следственный изолятор в декабре 2002 года, к этому времени повреждения, предположительно полученные ими, могли уже залечиться (см. пункт 12 выше).

59. Суд отмечает, что хотя материалы дела не содержат никаких медицинских документов, подтверждающих предполагаемые обвинения заявителей в жестоком обращении, они содержат показания адвоката Д., оказывавшего правовую помощь второму заявителю, который сказал, что во время допроса в качестве подозреваемого 24 сентября 2002 года спина второго заявителя была покрыта синяками (см. пункты 11 и 25 выше).

60. Суд отмечает, что предполагаемое жестокое обращение имело место в ОРБ-2 г. Грозного, учреждении, которое, по мнению КПП, выделялось из других в плане частоты и тяжести жестокого обращения (см. пункты 47 и 48 выше).

61. Далее Суд отмечает, что он ранее рассматривал аналогичные жалобы на жестокое обращение, применявшееся в помещениях ОРБ-2, в 2003 году и в 2006 году и устанавливал нарушения статьи 3 Конвенции в отношении пыток (см. постановление Европейского Суда от 11 декабря 2012 года по делу «Тангиев против России» (*Tangiyev v. Russia*), жалоба №27610/05, пункты 34-63, и упоминавшееся выше постановление по делу «Мукаев против России», пункты 62-77). Пытки, которым подверглись заявители в тех делах, были аналогичными обращению, описанному заявителями в настоящем деле, включая в себя избиения, электрошок и противогазы.

62. Учитывая непредоставление Властями медицинских документов, свидетельствующих о состоянии здоровья заявителей в период, следовавший непосредственно за предполагаемым жестоким обращением, в сочетании с контекстуальными факторами (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 28 ноября 2017 года по делу «Мерабишвили против Грузии» (*Merabishvili v. Georgia*), жалоба №72508/13, пункт 312), например, продолжительностью незапротоколированного содержания под стражей в ОРБ-2 в отсутствие всяких гарантий в отношении жестокого обращения,

признательными показаниями, данными в конце их незапротоколированного содержания под стражей и оспариваемыми позднее в ходе заседания в суде первой инстанции как данные под принуждением, показаниями адвоката Д., оказывавшего правовую помощь второму заявителю, замечаниями, сделанными КПП в ОРБ-2 в ходе посещения этого учреждения в мае 2003 года, а также прецедентным правом Суда, касающимся аналогичных предполагаемых обвинений в жестоком обращении в этом учреждении примерно в то же время, когда происходили события настоящего дела, Суд имеет достаточные основания полагать, что жалобы заявителей на жестокое обращение со стороны сотрудников ОРБ-2 были правдоподобными.

2. Было ли проведено эффективное расследование по жалобам заявителей на жестокое обращение

63. Суд отмечает, что по утверждениям заявителей о жестоком обращении в период нахождения под контролем милиции внутригосударственные органы власти провели доследственную проверку, которая является начальным этапом работы с заявлением о возбуждении уголовного дела в соответствии с российским законодательством. При этом обычно в случае обнаружения признаков уголовного преступления в ходе проверки следственные органы возбуждают уголовное дело (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Ляпин против России», пункт 129).

64. Суд напоминает свой вывод о том, что само по себе проведение доследственной проверки в соответствии со статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации является недостаточным в случае, если органы государственной власти не выполнили стандартов проведения эффективного расследования по правдоподобным жалобам на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции, установленных в соответствии со статьей 3 Конвенции. Органы власти обязаны возбудить уголовное дело и провести надлежащее расследование путем выполнения всего комплекса следственных действий (там же, пункты 129 и 132-136).

65. Суд не видит причин для иного вывода в рамках настоящего дела, в котором имелись правдоподобные утверждения о жестоком обращении, которые своевременно были доведены до сведения органов государственной власти. Суд приходит к выводу о том, что органы власти не провели эффективного расследования по жалобам заявителей на жестокое обращение в период нахождения под контролем милиции, как того требует статья 3 Конвенции.

66. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

3. Предоставили ли Власти объяснения, которые могли бы поставить под сомнение версии событий, представленные заявителями

67. Власти ссылались на заключения доследственной проверки, утверждая, что жалобы заявителей были необоснованными. С учетом того, что они были представлены как результаты внутригосударственной доследственной проверки, не соответствовавшей требованиям статьи 3 Конвенции, которые позднее были аннулированы прокурором, осуществляющим надзор, как незаконные и необоснованные (см. пункт 28 выше), Суд полагает, что они не могут рассматриваться в качестве удовлетворительных и убедительных объяснений.

68. Суд полагает, что Власти не выполнили возложенного на них бремени доказывания и не представили доказательств, способных подвергнуть сомнению версии заявителей о событиях, которые он считает, таким образом, установленными (см. постановление Европейского Суда от 2 мая 2017 года по делу «Олисов и другие против России» (*Olisov and Others v. Russia*), жалоба № 10825/09 и 2 другие жалобы, пункт 85).

4. Правовая классификация обращения

69. Суд напоминает, что он рассматривал обращение с тем или иным лицом как «бесчеловечное» в случае преднамеренного характера такого обращения, если оно имело место на протяжении нескольких часов непрерывно или если в результате этого обращения был нанесен реальный физический вред человеку, либо причинены сильные физические или моральные страдания. Обращение признавалось «унижающим достоинство», если оно вызвало у жертв чувство страха, тревоги и неполноценности, способное оскорбить и унизить их и, возможно, сломить их физическое или психологическое сопротивление, или если оно вынудило жертву действовать против ее воли и совести. При определении того, должна ли конкретная форма жестокого обращения быть классифицирована как пытка, необходимо учитывать различия, закрепленные в статье 3 Конвенции, между этим понятием и понятием бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Как отмечено в предыдущих делах, целью Конвенции было посредством разграничения наложить особое клеймо позора на преднамеренное бесчеловечное обращение, вызывающее очень серьезные и тяжелые страдания. В дополнение к жестокости обращения, существует целенаправленный элемент пыток, признанный в Конвенции ООН против пыток, которая в статье 1 определяет пытку как умышленное причинение сильной боли или страдания, чтобы получить сведения с помощью применения

наказания или запугивания (см. постановление Европейского Суда по делу «Гефген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, пункты 89-90, ECHR 2010).

70. Суд полагает, что неоднократные насильственные действия, которым заявители подвергались со стороны сотрудников ОРБ-2, с учетом их тяжести и цели, состоявшей в получении признаний, являлись пыткой.

5. Вывод

71. Соответственно, было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте в том, что заявители подверглись пыткам, а также в ее процессуальном аспекте по причине отсутствия эффективного расследования по их жалобам.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

72. Заявители жаловались, что производство по уголовному делу в их отношении было несправедливым. В частности, они жаловались, что вынесенный им приговор основывался на показаниях, полученных в результате пыток, и что им не была предоставлена возможность допросить нескольких свидетелей обвинения. Они ссылались на пункт 1 и подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, которые предусматривают следующее:

«1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела...

...

3. «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него ...»

73. Власти сочли жалобу заявителей необоснованной. Доследственная проверка установила, что утверждения заявителей о жестоком обращении были необоснованными и, следовательно, суд первой инстанции обоснованно отказал в исключении оспариваемого доказательства. Он принял все необходимые меры для обеспечения присутствия свидетелей обвинения, которые оказались безуспешными в связи со сложной ситуацией в Чеченской Республике, препятствующей въезду в регион и выезду из него. Суд первой инстанции, таким образом, удовлетворил ходатайство прокурора зачитать досудебные показания-свидетелей, не явившихся на судебное заседание, на что заявители не представили возражений. В любом

случае информация, предоставленная свидетелями, не явившимися на судебное заседание, сама по себе не была достаточной для осуждения заявителей.

74. Заявители поддержали свои жалобы. Они жаловались, что их признательные показания, протоколы очных ставок сторон, записи их допросов в качестве подозреваемых, протоколы осмотров мест преступлений, в которых они участвовали, были получены в результате пыток во время их нахождения в помещениях ОРБ-2 и что в основном на основании этих доказательств внутригосударственные суды признали их виновными. Они далее указали, что им не была предоставлена возможность допросить свидетелей, в частности, Ц., Л. и К. ни на одном из этапов производства.

А. Приемлемость жалобы

75. Европейский Суд отмечает, что эта часть жалобы не является явно необоснованной- по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

76. Суд отмечает, что заявители жаловались на то, что производство по уголовному делу в их отношении было несправедливым, в нарушение статьи 6 Конвенции, по двум причинам (см. пункт 72 выше). Рассмотрев сведения, имеющиеся в его распоряжении, Суд не считает необходимым рассматривать оба аспекта; он сосредоточится на жалобе заявителей на то, что внутригосударственные суды при вынесении им приговора исходили из признательных показаний, которые были получены под физическим принуждением.

77. В этой связи Суд напоминает, что принятие признательных показаний, полученных в нарушение статьи 3, автоматически делает уголовное судопроизводство в целом несправедливым, независимо от доказательной ценности признательных показаний, а также независимо от того, было ли их использование решающим в обеспечении вынесения приговора обвиняемому (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Гефген против Германии», пункты 166 и 173, и постановление Европейского Суда от 6 октября 2015 года по делу «Турбылев против России» (*Turbylev v. Russia*), жалоба №4722/09, пункт 90).

78. Суд выше установил, что заявители подверглись пыткам со стороны сотрудников ОБР-2 и принуждались к даче признательных

показаний по преступлениям, в совершении которых их впоследствии обвинили. Он отмечает, что заявители повторили свои признательные показания в ходе их допроса в качестве подозреваемых и в ходе дальнейших следственных действий, осуществленных с сентября по декабрь 2002 года, когда они содержались в помещениях ОРБ-2, где имели место пытки (см. пункты 10 и 24 выше). Протоколы этих следственных действий, которые суд первой инстанции и суд апелляционной инстанции отказались объявить недопустимым доказательством, являлись частью доказательства, приведенного против заявителей.

79. При отказе в удовлетворении требований заявителей об объявлении неприемлемыми их признательных показаний на том основании, что они были получены под физическим принуждением, областной суд не провел надлежащей независимой оценки с целью установления, имелись ли основания для исключения этих показаний, предположительно данных «на фоне» жестокого обращения -с заявителями, то есть с целью обеспечения справедливости судебного разбирательства. Вместо этого он сослался на решение следственных органов об отказе в возбуждении уголовного дела по предполагаемому жестокому обращению с заявителями, который, как было установлено Судом, был основан на доследственной проверке, не удовлетворявшей требованиям статьи 3. Отсутствие тщательной оценки качества оспариваемого доказательства и обстоятельств, при которых оно было получено, не было исправлено внутригосударственными судами.

80. В этих обстоятельствах Суд приходит к выводу о том, что, вне зависимости от того, какую роль сыграли показания заявителей, полученные под физическим принуждением, в исходе разбирательства по уголовному делу в их отношении, такие доказательства сделали разбирательство в целом несправедливым.

81. Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

82. Заявители далее жаловались на то, что их помещение в отдаленные исправительные учреждения для отбывания сроков лишения свободы нарушило их право на уважение семейной жизни в связи с отсутствием практической возможности посещения в тюрьмах. Они ссылались на статью 8 Конвенции, которая в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны государственного органа власти в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом

обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

83. Власти утверждали, что заявители могли пожаловаться в суды по факту их помещения в исправительные учреждения, расположенные за пределами региона их места проживания, в соответствии с положениями, содержащимися в Главе 25 Гражданского процессуального кодекса. Поскольку они не прибегли к вышеуказанному средству правовой защиты, их жалоба должна быть отклонена в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты. В качестве альтернативы Власти утверждали, что заявители не выполнили требования о шестимесячном сроке, предоставляемом для подачи жалобы. Они считали, что помещение заявителей в исправительные учреждения являлось «одномоментным» решением и не приводило к возникновению длящегося обстоятельства в целях исчисления шестимесячного срока в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции. Власти далее указали по существу жалобы, что помещение заявителей в отдаленные исправительные учреждения составило вмешательство в их права по статье 8 Конвенции. Однако, несмотря на тот факт, что законные основания для помещения осужденных, как заявители, по статьям 208 (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем) и 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) Уголовного кодекса в исправительные учреждения, определенные ФСИН (часть 4 статьи 73 УИК), были введены через несколько месяцев после фактического перевода заявителей, вмешательство, тем не менее, соответствовало закону, было необходимым и не являлось нарушением статьи 8 Конвенции. Заявители получили длительные сроки лишения свободы с отбыванием наказания в исправительных учреждениях строгого режима. Однако в соответствующее время в Чеченской Республике не было таких исправительных учреждений, поэтому заявители были помещены в исправительные учреждения в других регионах. Кроме того, если бы заявители оставались в Чеченской Республике для отбывания своих сроков лишения свободы, это создало бы серьезную угрозу общественному порядку и безопасности ввиду криминальной обстановки в регионе в период рассматриваемых событий.

84. Заявители утверждали, что поскольку внутригосударственное право не определяло какого-либо ясного критерия и процедуры помещения осужденного в исправительное учреждение федеральным органом уголовно-исполнительной системы, которое было оставлено полностью на усмотрение последнего, судебный иск по статье 25 Гражданского процессуального кодекса не давал им никаких шансов

на успешный исход. Следовательно, они не имели в своем распоряжении какого-либо внутригосударственного средства правовой защиты. Заявители считали, что их помещение в исправительные учреждения вдали от региона их проживания являлось длящимся обстоятельством, поскольку они продолжали испытывать негативные последствия вмешательства в их права по статье 8 Конвенции, и что шестимесячный срок для подачи их жалобы в Суд был соблюден. Заявители указали по существу, что их помещение в исправительные учреждения вдали от региона их проживания являлось вмешательством в их право на уважение семейной жизни. Вмешательство не соответствовало закону, поскольку закон не удовлетворял требованию «качества закона», и не преследовало законной цели. Даже если соответствующих исправительных учреждений в Чеченской Республике не было, они должны были находиться в соседних регионах. Заявители указали на существование как минимум одного учреждения в Чеченской Республике, ИК-2, в которой, хотя она и была тюрьмой общего режима, было крыло, где действовал строгий режим. Кроме того, было неясно, каким образом их помещение в отдаленные исправительные учреждения служило защите общественной безопасности в Чеченской Республике. Даже если предположить, что вмешательство преследовало законную цель, оно было непропорциональным, поскольку оно без необходимости ограничило для них возможность поддерживать семейные и социальные связи после осуждения.

А. Приемлемость жалобы

1. Исчерпание средств внутригосударственной правовой защиты

85. Правило исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции обязывает заявителей использовать сначала средства правовой защиты, доступные и достаточные в национальном законодательстве, чтобы дать им возможность получить возмещение предполагаемых нарушений. Существование средств правовой защиты должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике, в противном случае они не будут обладать требуемой доступностью и эффективностью. Государство-ответчик, заявляя о неисчерпании средств правовой защиты, обязано с достаточной точностью указать, к каким средствам правовой защиты не прибегли заявители, и убедить Суд в том, что данные средства правовой защиты были эффективными и доступными в теории и на практике в рассматриваемый период времени, то есть, что они были доступны, могли обеспечить получение компенсации в отношении жалоб заявителей и дать разумные шансы

на успешный исход (см. постановление Европейского Суда от 19 июня 2008 года по делу «Гулиев против России» (*Guliyev v. Russia*), жалоба № 24650/02, пункты 51-52, а также содержащиеся в нем ссылки).

86. В настоящем деле Власти указывали, что заявители были обязаны оспаривать в судах решения ФСИН поместить их в отдаленные исправительные учреждения в соответствии с процедурой, действовавшей в период рассматриваемых событий, предусмотренной главой 25 Гражданского процессуального кодекса. Они, однако, не объяснили, приведя пример из национальной практики, как предлагаемое средство правовой защиты могло бы предотвратить заявляемое нарушение, прекратить его или же предоставить заявителям соответствующее возмещение. В этих обстоятельствах Европейский Суд считает, что Власти не обосновали свое утверждение о том, что заявителям было доступно эффективное средство правовой защиты в отношении их жалобы на основании статьи 8 Конвенции. Соответственно, Европейский Суд отклоняет их возражение.

2. Соблюдение правила шестимесячного срока

87. Суд уже устанавливал, что содержание под стражей заключенного в неизменных условиях и (или) режиме является «длящимся обстоятельством» и что жалоба согласно статье 8 Конвенции касательно эффективной невозможности поддержания семейных и социальных связей во время заключения в отдаленном исправительном учреждении должна (если не имеется эффективного средства правовой защиты) подаваться в течение шести месяцев после окончания заключения в таком учреждении (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Полякова и другие против России», пункты 63-67, а также содержащиеся в нем ссылки).

88. Ввиду того, что заявители подали свою жалобу на основании статьи 8 Конвенции, когда они отбывали сроки лишения свободы в отдаленных исправительных учреждениях, возражение Властей должно быть отклонено.

3. Вывод

89. Суд также отмечает, что в данной части жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

90. Принципы, касающиеся права заключенных на семейную жизнь, прочно утвердились в прецедентном праве Суда и изложены в общем виде, *помимо прочего*, в упоминавшемся выше постановлении по делу «Полякова и другие против России» (пункты 84-89, а также содержащиеся в нем ссылки).

91. Суд признает, и это не оспаривается сторонами, что в обстоятельствах дела решения органов власти поместить заявителей в отдаленные исправительные учреждения для отбывания сроков лишения свободы являлись вмешательством в их право на уважение их семейной жизни.

92. Затем Суд должен определить, было ли это вмешательство оправдано в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Конвенции, то есть было ли оно осуществлено «в соответствии с законом», преследовало ли оно одну или более законных целей, указанных в этом пункте, и было ли оно «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей.

93. Формулировка «в соответствии с законом» требует, чтобы оспариваемая мера имела определенные основания в национальном законодательстве и соответствовала принципу верховенства права, который прямо упоминается в Преамбуле к Конвенции и неразрывно связан с объектом и целью статьи 8 Конвенции. Таким образом, закон должен отвечать качественным требованиям, то есть он должен быть доступен соответствующему лицу, а последствия его применения должны быть предсказуемыми (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), жалоба №47143/06, пункт 228, ECHR 2015).

94. Суд отмечает, что решения ФСИН поместить заявителей в исправительные учреждения и последующие отказы перевести их в другие исправительные учреждения на основании уважения их семейной жизни были основаны на частях 2 и 4 статьи 73 и статье 81 УИК, соответственно (см. пункт 42 выше).

95. Суд напоминает, что в упоминавшемся выше деле «Полякова и другие против России» уже было установлено, что положения, содержащиеся в частях 2 и 4 статьи 73 и статье 81 УИК, не удовлетворяли требованию «качества закона». Суд постановил, в частности, что части 2 и 4 статьи 73 не предоставляли возможности взвесить конкурирующие личные и общественные интересы и произвести оценку пропорциональности ограничения соответствующего статье 8 Конвенции права в контексте размещения заключенных с целью исключения из общего правила распределения, и что статья 81 УИК не предоставляла заявителям никакой защиты от ее произвольного применения ФСИН независимо от соображений,

связанных с их правом на уважение семейной жизни (там же, пункты 94-107, 116-118).

96. Из вышеуказанного вывода, который полностью применим к настоящему делу, следует, что вмешательство в право заявителей на уважение их семейной жизни не «соответствовало закону» по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции в отношении каждого заявителя.

97. Учитывая вышеуказанный вывод, Суд не считает необходимым выяснять, были ли соблюдены прочие требования пункта 2 статьи 8 Конвенции в настоящем деле.

IV. ПРОЧИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ

98. Наконец, заявители жаловались на основании статьи 3 Конвенции на условия их содержания под стражей в ИВС, на основании статьи 5 Конвенции на незаконность их незапротоколированного содержания под стражей, а также на основании статьи 6 Конвенции на прочие недостатки в производстве по уголовному делу в их отношении.

99. Учитывая все сведения по делу, имеющиеся в его распоряжении, а также настолько, насколько данные жалобы находятся в его компетенции, Суд заключает, что признаки нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции либо Протоколах к ней отсутствуют. Из этого следует, что данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

100. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

101. Первый заявитель требовал 855 000 евро, а второй заявитель требовал 342 000 евро в качестве компенсации имущественного ущерба за нарушение их прав по статье 3 Конвенции, представляющие собой суммы предполагаемых расходов их семей и суммы упущенного ими дохода. Они также требовали по 37 000 евро каждый в качестве

возмещения неимущественного вреда, распределяемые следующим образом: по 12 000 евро, 15 000 евро и 10 000 евро за нарушения статей 3, 6 и 8 Конвенции, соответственно.

102. Власти сочли, что суммы компенсации имущественного ущерба, требуемые заявителями, были необоснованными и спекулятивными. Что касается неимущественного вреда, Власти сочли, что если Суд установит нарушение, сам по себе факт установления такого нарушения будет являться достаточной справедливой компенсацией. Они далее полагали, что если Суд установит нарушение статьи 6 Конвенции, он должен отклонить требование заявителей о возмещении неимущественного вреда в этой части, с учетом того, что уголовное судопроизводство в отношении заявителей может быть возобновлено в случае установления Судом нарушения (см. пункт 46 выше).

103. Суд отмечает, что в настоящем деле он установил нарушения статей 3, 6 и 8 Конвенции: заявители подверглись пыткам, когда находились под стражей в милиции, расследование по их заявлениям о жестоком обращении было неэффективным, производство по уголовному делу в их отношении было несправедливым, и они были помещены в исправительные учреждения далеко от региона их проживания в нарушение их права на уважение семейной жизни.

104. Суд полагает, что требования заявителей о компенсации имущественного ущерба являются необоснованными. Соответственно, Суд не видит причины, по которой заявителям по данному основанию может быть присуждена какая-либо сумма.

105. Что касается неимущественного вреда, Суд считает, что страдания и стресс заявителей не могут быть компенсированы лишь установлением факта нарушения. Произведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает каждому заявителю по 37 000 евро в качестве компенсации неимущественного вреда, включая любые налоги, которыми может облагаться указанная сумма. Кроме того, Суд отмечает, что в статье 413 Уголовно-процессуального кодекса указывается, что уголовное производство может быть возобновлено, если Судом будет установлено нарушение Конвенции.

В. Расходы и издержки

106. Заявители также требовали 9 600 евро за работу, выполненную их представителями, которые потратили семьдесят восемь часов на подготовку дела, при этом сорок два часа по ставке 100 евро в час и тридцать шесть часов по ставке 150 евро в час.

107. Власти сочли, что требование заявителей является чрезмерным.

108. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле с учетом документов, имеющихся в его распоряжении, а также вышеуказанных критериев, учитывая тот факт, что заявители получили правовую помощь, которая уже была оплачена их представителям в размере 850 евро, Суд считает разумным присудить им сумму в размере 4 150 евро за производство в Суде, которая подлежит выплате непосредственно на банковский счет представителей заявителей, включая любой налог, который может быть взыскан с заявителей с указанной суммы.

С. Процентная ставка при просрочке платежа

109. Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной учетной ставки Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *объявил* жалобы, касающиеся предполагаемого жестокого обращения с заявителями под стражей в милиции и последующего расследования, несправедливости производства по уголовному делу в их отношении, их помещения в исправительные учреждения вдали от региона их проживания приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
2. *постановил*, что было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте в том, что заявители подверглись пыткам, а также в ее процессуальном аспекте в связи с отсутствием эффективного расследования по их жалобам;
3. *постановил*, что было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
4. *постановил*, что было допущено нарушение статьи 8 Конвенции;
5. *постановил*,
(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с

пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителям следующие суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:

(i) 37 000 (тридцать семь тысяч) евро в качестве компенсации неимущественного вреда, включая любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, каждому из заявителей;

(ii) 4 150 (четыре тысячи сто пятьдесят) евро в качестве компенсации расходов и издержек, включая любой налог, который может быть взыскан с заявителей с этой суммы, которая подлежит перечислению на банковский счет представителей заявителей;

(b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;

6. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 10 июля 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь Секции

Хелена Йедерблом
Председатель